

ББК 81.2-3
УДК 80

**ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ
МОДЕЛИ ЭКСПРЕССИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ И ИХ
ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
СТРУКТУРЫ**

*Дусматова Шахло Валиевна, к.филол.н.,
доцент кафедры современного русского
языка и общего языкознания ГОУ «ХГУ
имени акад. Б. Гафурова» (Таджикистан,
Худжанд)*

**АМСИЛАҶОИ ЛЕКСИКИЮ
ГРАММАТИКИИ ЭКСПРЕССИЯИ
МАТНИ БАДЕЙ ВА СОҲТОРҶОИ
МАНТИКИЮ СЕМАНТИКИИ ОНҶО**

*Дусматова Шахло Валиевна, н.и.филол.,
доценти кафедраи забони муосири рус ва
забонишиноси умумии МДТ “ДДХ ба номи
акад. Б.Гафуров” (Тоҷикистон, Хуҷанд)*

**LEXICO-GRAMMATICAL MODELS OF
ARTISTIC SPEECH EXPRESSIVENESS
AND THEIR LOGICAL SEMANTIC
STRUCTURES**

*Dusmatova Shahlo Valievna, candidate of
philological sciences, Associate Professor of the
department of modern Russian language and
general linguistics under SEI “KhSU named
after acad. B. Gafurov ” (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: dshv_73@mail.ru*

Ключевые слова: *стилизация, экспрессия, художественное повествование, диапазон реализации экспрессии, контекстуальные ситуации, закономерности экспрессивной стилизации, стилистическая окраска, функциональная стилистика*

Рассматриваются вопросы стилизации экспрессии в художественном повествовании. Представлен образец конструктивного решения этой проблемы на материале поэтики К. Худжанди. В этом свете обосновываются пути и способы семантической экспрессии словесных знаков и их стилизация в контексте художественного повествования. Представлена своеобразная лингвистическая характеристика стилизации экспрессии, диапазон её реализации, объективные и образно-ассоциативные способы отражения художественных реалий, выявляются типовые контекстуальные ситуации. Одной из важных проблем является исследование процесса семантических изменений лексики, подвергнутой экспрессивной стилизации, и приобретение ею новых образно-ассоциативных значений при передаче поэтизированного художественного повествования и описаний, их системная обусловленность потребностями контекстуальных ситуаций. Довольно обстоятельно представлены способы выражения экспрессии, находящие наиболее специфическое описание, сопровождающееся разного рода пояснениями и примечаниями.

Калидовжаҳо: *услугбардозӣ, экспрессия, ривояти бадеӣ, доираи ифодаи экспрессия, ҳолатҳои матнӣ, қонуниятҳои услуббардозии экспрессивӣ, тобиши услубӣ, услубшиносии функционалӣ*

Дар мақола масъалаҳои услуббардозии экспрессия дар матни бадеӣ баррасӣ шудааст. Намунаи ҳалли саҳеҳи ин масъала дар маводи ашъори Камоли Хуҷандӣ пешниҳод гардидааст. Роҳу тарзҳои экспрессияи семантикии аломатҳои каломӣ ва услуббардозии

онҳо дар матни бадеӣ мудаллал шудааст. Тавсифи ба худ хоси забониносии услубпардозии экспрессия, доираи татбиқи он, тарзҳои объективӣ ва образноку ассотсиативии инъикоси воқеияти бадеӣ пешишӯд гардидаанд, ҳолатҳои типии матнӣ ошкор карда шудаанд. Тадқиқи раванди тағйирёбии маъноии лексикае, ки дучори услубпардозии экспрессивӣ гардидааст ва ҳангоми тасвиру тавсифи манзуми бадеӣ маъноҳои нави образноку ассотсиативӣ касб кардани онҳо, вобастагии низомманди онҳо аз талаботи ҳолатҳои матнӣ аз ҷумлаи масоили муҳим ба ҳисоб мераванд. Тарзҳои ифодаи экспрессия, ки тавсифи ба худ хос, шарҳу эзоҳоти мухталифро пайдо мекунад, нисбатан муфассал пешишӯд шудаанд.

Key words: *stylization, expressiveness, artistic narration, range of expressiveness realization, contextual situations, regulations of expressive stylization, stylistic colouring, functional stylistics*

The article considers the issues of stylization of expressiveness in artistic narration. The work gives an example of constructive solution of this problem in the poetry by K.Hujandi. This work convincingly grounds the ways and methods of the process of semantic expression of word signs and their stylization in the context of artistic narration. The article presents unique linguistic characteristics of stylization of expressiveness, range of its realization, objective and imaginable-associative methods of reflection of imaginative realities; typical contextual situations being identified in the work as well. One of the most important problems of the article is an investigation of the process of semantic changes of lexicon subjected to expressive stylization and acquisition of new imaginary-associative meanings when conveying poetized artistic narration and description, their systemic preconditioning by the needs of contextual situation being also taken into account. The methods of expressiveness which are more specific for description accompanied by different kinds of explanations and notes are given in the article in details.

Экспрессия языковых единиц художественной речи заключается в способности их содержательной стороны отражать эти отношения в форме особых художественно-образных конструкций. Такой переход представляется тем более обоснованным, что экспрессия с развитой системой семантических связей в большей степени вбирает в себя и грамматику, что позволяет представить её не только как модель словаря художественного контекста, но и как модель языка в целом. В обогащении информационной структуры поэтических описаний экспрессия может быть использована не только как арсенал, но и как способ предоставления лексико-грамматического знания о языковых единицах словаря с концептуальным заданием и фиксированными семантическими связями между словесными знаками художественного контекста.

Индивидуальный характер художественной речи – один из её основных признаков – проявляется в том, что она (подобная категория речи) всегда осуществляется определенным автором, передающим в ней свои мысли и чувства, для выражения которых он по своему усмотрению выбирает слова и структурные модели (1, с. 62-63)

*Боз гул доман ба дасти ошиқони худ нишӯд,
Фунча лаб бикшуду булбулро ба бои овоз дод.
Абр дурҳои Адаи пеши гулу савсан кашид,
Бод дарҳои чаман бар рӯи гулбӯён кушод (4, с. 203).*

Так, речевая поэтическая импровизация в указанном контексте допускает известное варьирование глагольных форм «*нишӯд, дод, кашид, кушод*», закрепленных систе-

мой художественной интерпретации. В индивидуальных отклонениях художественной речи заложены истоки языковых изменений, осуществляемых согласно субъективным особенностям речи автора:

*Бо чаими ман, ин ашки равонро чӣ фитодаст?
Бо ҷони ман, ин сӯзи ниҳонро чӣ фитодаст?
Гар хун равад аз дил, ки кабоб аст, аҷаб нест,
Ин дидаи хунобачаконро чӣ фитодаст? (4, с. 83].*

Или:

*Гар тан ба таби ҳаҷр, на побаста чу шамъ аст,
Бо сӯхтан ин риштаи ҷонро чӣ фитодаст? (4, с. 42).*

Показательно, что подобная поэтическая представленность лексики в контексте художественной речи может интерпретировать и образно-категориальную, и иерархическую спецификацию и классификацию своих знаковых единиц. На наш взгляд, по мере введения в художественный контекст актуальных для данного контекста дифференцированных (*чаими ман*, *ҷони ман*, *хун аз дил*, *дидаи хунобачакон* и *ашки равон*, *сӯзи ниҳон*) семантических отношений, автор художественного контекста приобретает возможность для нового взгляда на общие объекты описания: «*чаими ман* (мои глаза), *ашки равон* (текущие слезы), *ҷони ман* (моя душа), *сӯзи ниҳон* (скрытые страдания), *дидаи хунобачакон* (глаза, истекающие кровью)» и представляет с помощью стилизации глубокую экспрессию и конструктивное лингвистическое средство экспликации соизмеримости выделенной поэтизированной информации. Как убеждают эти иллюстрации, возможности таджикского языка как обладающего словарём с концептуальным входом и фиксированными семантическими связями между его единицами, весьма разнообразны и богаты (5, с. 18).

В этом плане интересно многоаспектное рассмотрение содержательной структуры языка поэзии с его способностью к осмыслению и представлению знаков специальной семиотической системы, обладающей номинативно-дефинитивной функцией:

*Аз пой гар афтам мани дилреш, ба роҳам
Ин гесӯи дар пой кашонро чӣ фитодаст?
Чаим аз ҳаваси диданат афтод ба рӯят
Бо рӯи ту чаими нигаронро чӣ фитодаст? (4, с. 83).*

На наш взгляд, более узкая интерпретация понятия «язык поэзии» связана с его истолкованием как знаковой системы, состоящей из специального словаря и специального синтаксиса, поскольку более общая характеристика лексики связывает её значение с местом в контексте художественной речи (2, с. 73). Причем, на наш взгляд, это место задается и дефиницией, и всем системным контекстом данной лексики, так как этот анализ закономерно начинается с вопроса о том, соизмеримы ли логические и лингвопоэтические описания объекта? Представляется, что, используя и лингвистические и логические каноны употребления лексики в контексте поэтики, автор намечает перспективы сближения логического и лингвистического описания языка поэзии, особенно при референции поэтизированных реалий. При этом специальное внимание в данном контексте уделено, в частности, такой проблеме, как метафора (*аз пой афтодан*, *гесӯи дар пой кашон* и др.). Показав, что метафора представляет собой разновидность аналогии, автор демонстрирует плодотворность использования лексических метафорических единиц в языке поэзии. При этом обнаруживается, что эти единицы содержат в себе не только значение номинации, но и заряды экспрессии словоформ, например:

---

*Фаромӯшат кунам гуфтӣ ба зудӣ,
Маро аз дер боз ин нукта ёд аст.
Камол аз ваъдаи васлат батар сӯхт.
Ки чонаш оташу аҳди ту бод аст* (4, с. 87).

Переход номинаций единиц из одной сферы в другую сопряжен не с тождеством, а с аналогией, иногда принимающей лишь личину (маску) тождества. Представляется, что метафора является не только поверхностным приёмом пояснения, но и действенным средством прояснения структуры и поведения поэтических единиц в контексте художественной речи (3, с. 22).

По цели выражения в контексте художественной речи могут быть выделены следующие основные типы речевых актов: 1) информативные акты сообщения: *Ҳар гул ки зи хоки ман бирӯяд, Ошиқ шавад он ки ӯ бибӯяд* (Камол Худжанди); 2) побуждения, в том числе запрос о получении информации: *Ёр ҳар дам зи мани хаста чаро меранчад? Бар гунаҳ мекашаду боз зи мо меранчад* (К. Худжанди); 3) речевые акты-обязательства: *Нашавад зи гарди фитна сари кӯи дӯст холӣ, Ба ду зулф агар бирӯбад хама умр хоки поро* (К. Худжанди); 4) формулы социального этикета (поздравление, извинение, соболезнование): *Ҳар кӣ аз дарди ту ранче дорад, Ашки ӯ сурху рухи ӯ зард аст* (К. Худжанди); 5) Выражение эмоциональной реакции на ситуацию или сообщение: *Рӯзе ки ба ман нозу итobat ба хисоб аст, Он рӯз маро рӯзи хисоб асту азоб аст* (К. Худжанди). Как свидетельствует речевой контекст, среди этих установок главенствует задача поэтического информирования.

Информативная направленность художественных актов речи часто осложняется дополнительными коммуникативными расчетами. При их помощи демонстрируются возможности языковой компетенции автора речи, перенос центра тяжести на его психологию, его умение языкового воплощения собственного замысла. В этой концепции основное внимание отводится и этапам перехода от конкретных смыслов к их поэтизированным аналогам, в основе которых лежат: 1) многоаспектная классификация экспрессивных моделей по различным семантическим критериям; 2) смысловое обособление этих моделей по форме и по содержанию; 3) выявление и экспликация семантической специфики данной модели в контексте; 4) определение формы, содержания, сферы обитания и функционирования этой экспрессивно-эмоциональной модели; 5) установление ситуативной обусловленности употребления экспрессивной модели. Эти параметры относятся к способу осуществления контекстуальной экспрессии и вытекают из субъективности, конкретности или ситуативной обусловленности художественной речи, так как, будучи психофизическим явлением, она субъективна и произвольна, является видом свободной творческой деятельности автора этой речи:

*Бо сурӯду оху нола меравад ашкам чу рӯд,
Пеши мастони муҳаббат ин бувад руду сурӯд.
Ошиқонро дар маҷолис нола созад сарбаланд,
Мутрибонро дар маҳфил обрӯ бошад зи рӯд* (4, с. 203).

Или:

*Словно солнце, горит, не сгорая, любовь.
Словно птица небесного рая – любовь.
Но еще не любовь – соловьиные стоны.
Не стонать, от любви умирая, - любовь!* (Перевод В. Державина)

---

*Хуришеди синеҳри безаволӣ, шиқ аст,
Мурғи чамани хучастафолӣ шиқ аст.
Ишиқ он набувад, ки ҳамчу булбул ноли
Ҳар гоҳ бимириву нанолӣ, шиқ аст (6, с. 76).*

Лингвистика художественной речи в указанных контекстах имеет своим объектом те типизированные явления, которые не оторваны от прагматической стороны речевых актов. Это связано с тем, что она (лингвистика текста) представляет структуру речевых произведений, их членение, способы создания связности текста, частотность встречаемости единиц языка (*руд, суруд, руд, суруд*), (*любовь, любовь, любовь*) в тех или иных – других звеньях оригинала и перевода текста, обеспечивая его смысловую и структурную полноту, типы речи (монолог, диалог или полилог).

В этой связи в поэтическом контексте таджикского и русского языков мы имеем возможность наблюдать знаки специальной семиотической системы, обладающей специальной функцией, содержательной структурой, с их способностью к осмыслению соответствующего участка художественной действительности, с её специфической лексикой, требующей специальных процедур построения семантического синтаксиса. Семантический синтаксис, охватывающий лексикографическую потенцию единиц контекста художественной речи, демонстрируя их чрезвычайно широкие практические возможности, представляет собой новый взгляд на общий или частный объект контекста (7, с. 102). Нет сомнения, что такой анализ является весьма актуальным и перспективным.

В целом лексика и её синтаксис являются устройством, обеспечивающим системность экспрессии, её стилизации: с их помощью, на наш взгляд, возможно увязать эту системность с системностью экспликации ассоциативно-образного представления словесных единиц контекста художественной речи:

*Гуфтам: Эй симзақан! Гуфт: Киро мегӯӣ?
Гуфтам: Эй аҳдишкан! Гуфт: Чиҳо мегӯӣ?
Гуфтам: Эй он ки надорӣ сари як мӯӣ вафо!
Гуфт: Маълум шуд акнун ки маро мегӯӣ.
Гуфтам: Эй ҷон, зи дили сахти ту фаръед маро.
Гуфт: Бо ман сухани сахт чаро мегӯӣ?
Гуфтам: Аз бод насими ту шунидан чӣ хуш аст,
Гуфт: То кай сухан аз боду ҳаво мегӯӣ?
Гуфтам: Ин зулфи парешони ту аз мушки Хитост?
Гуфт: То чанд парешону хато мегӯӣ?
Гуфтам: Аз дасти дили худ ба ҳалокам розӣ,
Гуфт: Ин худ зи забону дили мо мегӯӣ.
Гуфтамаш: Кай расад аз бахт наёме ба Камол?
Гуфт: Он рӯз, ки аз мо-и саломе гӯӣ (4, с. 358).*

Следовательно, стилизация экспрессии может представлять и категориальную, и иерархическую классификацию своих знаковых единиц, постановку различных вопросов там, где, казалось бы, им нет места. Характерно, что написанная прекрасным языком газель завершается предполагаемым диалогом автора со скрытым субъектом. Как видим, переход от рассмотрения семантической стороны языка поэзии к способам её фиксации осуществляется в газели с помощью стилизации экспрессии и широкого арсенала языковых средств.

Список использованной литературы:

1. *Виноградов, В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.*
2. *Виноградов, В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. – 1955. - №1.- С. 73.*
3. *Винокур, Г.О. Язык художественной литературы. Язык писателя / Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. - 492 с.*
4. *Камолӣ Хучандӣ. Девои. – Хучанд, 2011. – 630 с.*
5. *Максудов, Б.К. Худжанди и основные вопросы идейно-художественного содержания его газелей.- Душанбе: АҚД, 1992. – 23 с.*
6. *Хайём Умар. Рубоӣёт. –Тошканд: Фафургулом, 1970. – 304 с.*
7. *Шмелев, Д.Н. Слово и образ. - М.: Наука, 1964. – 120 с.*

Reference Literature:

1. *Vinogradov V.V. On the Theory of Belles-Lettres Speech. – M.: Higher School, 1971. – 240 pp.*
2. *Vinogradov V.V. The Results of Stylistics Issues Discussion // Issues of Linguistics. – 1955, # 1. – p. 73.*
3. *Vinokur G.O. Belles-Lettres Language. Writer`s Language // Selected Works on Russian Language. – M., 1959. – 492 pp.*
4. *Khujandi, Kamol. Divan. – Khujand, 2011. – 630 pp. (in Tajik)*
5. *Maksudov B.K. Khujandi and Basic Issues of Ideological-Artistic Content of his Gazels. – Dushanbe. Synopsis of candidate dissertation, 1997. – 23 pp.*
6. *Khayam, Omar. Rubais. – Tashkent: Gafur Gulyam Publishing-House, 1970. – 304 pp.*
7. *Shmelyov D.N. Word and Image. – M.: Science, 1964. – 120 pp.*